

Клуб рассказчиков

Евгений ПРОКОПОВ

НЕ САМЫЙ ВИНОВАТЫЙ

Можно работать с человеком в одной организации, в соседних отделах, и не знать его. Мы служили с Ворониным в банке: он в отделе ценных бумаг, я – по хозяйственной части. Отношения были нормально-отчуждёнными, вежливыми. Специалисты по операциям с ценными бумагами считаются в банковской сфере элитой, «белой костю». Из-за офисной перегородки порой доносились до меня обрывки мудрёных финансовых терминов: *аваль, вексель, авизо*. Я по-хорошему завидовал своим молодым коллегам, легко вписавшимся в мир рыночных реалий. Впрочем, ни перед кем не заискивал. И не комплексовал по поводу своей невысокой должности. В газетах и журналах регулярно печатали мои очерки, рассказы и статьи. Начальство меня на всякий случай (наверное, как человека пишущего) не трогало. Такое положение вполне устраивало.

Коллеги не слишком интересовали меня: чем может быть интересен литератору благополучный человек. Особенно в нашу смутную, полную драматических коллизий эпоху.

С учётом вышеизложенного вдвойне удивительным был один случай.

Как-то на исходе лета, тёплым августовским днём, пригласил меня Воронин на рыбалку, как он выразился, «на

закрытие сезона». Да так расхваливал при этом вечернюю негу и ночную благодать на Оби, что я согласился. Нам не хватает общения с природой, ведь просто так не отправишься на её лоно. А тут – есть повод.

Мы условились о встрече. Я поехал домой, огорошил жену (завзятый домосед вдруг с бухты-барахты едет в ночь рыбу ловить, – думай, что хочешь!), второпях снарядился и поехал на десятом трамвае до Бугринской рощи, рядом с которой жили Воронины.

Осталось в памяти какое-то светлое впечатление от посещения дома сослуживца: квартира чистая, уютная, ухоженная. На первом этаже старой двухэтажки оловозаводского жилфонда. Зовут они с женой друг друга ласково: Олечка, Сашенька. Лад и согласие чувствовались во всём.

Мы попили чаю, взяли принадлежности и снасти, пошли на ближнюю лодочную станцию. Там у Воронина маленькая дюралевая гребная лодчонка.

Мы снесли её на руках к берегу и спустили на воду. Вёсла, черпак, сеть были принесены хозяином из какого-то сарайчика. Мы взгромоздились в уютное наше судёнышко и оттолкнулись от берега.

Лодка угрожающе качалась, пока Воронин, напевая весёленький мотив-

чик, вставлял вёсла в уключины. Потом он сноровисто и энергично стал грести. Лодочная база быстро таяла в сгущающихся сумерках.

Все недавние заботы и суета остались на берегу.

Я сидел в корме, привалясь боком к мягкой, сухой и тёплой, пахнущей тинной сети, и любовался прекрасными картинами могучей реки.

Был чудный вечер после ясного августовского дня. Зажигались огни в домах. Сверкали гирлянды фонарей на мостах. Всё это великолепиие отражалось в лениво переплёскивающейся влаге.

Ночь тихо вступала в свои права. Звёзды всё явственнее становились на небе. Осветились окна домов недалёкого Северо-Чемского жилмассива. Темнела, а потом стала угольно-чёрной на фоне звёздного неба Бугринская роща. Только и виднелись в ней, выделяясь своей чужеродной готичностью, освещённые корпуса католического приюта для малолетних брошенных матерей-одиночек. С горечью уязвлённого патриотизма мы вполголоса говорили о постыдности для страны самого существования этого очага заезжего и малопонятного милосердия. Свои болячки самим и лечить надо бы.

Мы плыли наискось течению, ближе к фарватеру оно усилилось ощутимо. Мой капитан подгрёб к бакену и велел мне зацепиться.

Стремнина летела вдоль борта.

– Устал, кэп? Давай, я сяду на вёсла.

– Нет, не устал. Надо подождать темноты. И заодно полюбуемся рекой. Я обычно подолгу у этого бакена торчу. Смотри, какая красота!

У борта живо журчала, плескалась вода. Переливались, струились, текли отражения. С поднятых вёсел падали тяжёлые капли.

Почти рядом, в каких-то десяти метрах, прошёл, гремя попсовой музыкой, прогулочный теплоходик. Наша лодка запрыгала на волнах.

Опять наступила тишина. Благодать переполняла душу.

К полуночи городские огни стали редеть.

Мы поплыли дальше.

Вскоре пристали к острову. Выбрались из лодки на плотный песчаный берег, стали готовить сеть. Воронин про-

инструктировал меня на случай, если будет облава рыбнадзора: сеть не наша, чья – не знаем, а мы катаемся на лодке. Только теперь до меня вдруг дошло, что невзначай стал браконьером. Глупость положения искупалась только восторгами эстетическими.

«В первый раз забросили невод...», вернее, завёз Воронин сеть. Вытянули мы её – почти пустую. Три-четыре некрупных рыбёшки бились в ней.

Другой раз сеть и вовсе пустой оказалась, даже без травы...

Мой капитан стал извиняться, объяснил: вода спадает, рыба ушла.

– Да ладно, Александр Иванович, я разве за рыбой здесь. Мне ведь те десять минут ночной тишины у бакена – вполне достаточная награда за бессонную ночь.

– Нет, нет, ещё половим.

Короче говоря, заводили мы сеть ещё раз пять-шесть. Наловили небольшое ведёрко судаков и плотвичек.

– О, уже половина второго! – спохватился Воронин.

Поплыли обратно.

У бакена опять зацепились отдохнуть. Вполголоса говорили о жизни, о делах в стране, о падении нравов.

В католическом приюте враз, как по команде, погасли огни, и тьма вселенская скрыла полберега. Молчали, потом заговорили. Впрочем, говорил мой попутчик, а я только слушал да невпопад вставлял два-три слова про то, что выпало жить в такое время.

Зря затронул я эту тему. Его словно что-то подхлестнуло.

– Вот теперь спохватились, вспоминаем восточную мудрость «не приведи господь жить в эпоху перемен», а давно ли заклинали друг друга: «перемен хотим, перемен». Песня даже такая была...

Посмотришь, что вышло, так и невольно задумаешься, зачем затевали всё это.

– Мы, что ли, затевали, Александр Иванович? У нас совесть чиста.

– Ты счастливый человек, если совесть чиста. А я, можно сказать, *руку приложил*.

Он стал вдруг с горечью и ожесточением рассказывать об интеллигентской либеральной эйфории восьмидесятых-девяностых годов, как и он сам уча-

ствовал с энтузиазмом и горячностью во всех мечтательных прожектах, собраниях и митингах тогдашних новосибирских записных демократов, в диспутах и разговорах о плюрализме, гласности, перестройке; как ждали чего-то хорошего, светлого; как пьянила неприличная свобода. И как всё обернулось! Кто приватизировал перестройку? Как надругались над святыми словами: демократия, свобода.

– Ушёл я от этих либералов. А на душе кошки скребут. Ведь я видел всё и знаю оборотную сторону. Видел, как Алёшка, лидер наш тогдашний, пачкал тушью истукан у оперного театра. Даже знаю, кто покупал тушь эту в магазине «Школьник». Проводили и другие акции. Были мы в группе поддержки, в маленькой организованной толпе. Девидемократки бились в притворной истерике, украдкой перед тем царапнув милиционера по харе, потом картинно падали вроде бы от удара *самтрапа* и подол задирали для пущего драматизму. Наши операторы всё снимали. И это всё потом оказалось там, где надо. В том числе, за бугром. Нас тогда славно *забашляли*. Надо было отрабатывать.

– Потом помню проезд Солженицына через всю страну. Ту его «встречу с сибирскими демократами», к которой мы готовились, как к военной операции, как сумели-таки оттеснить, оттолкнуть от *Исаича* чужих, и как пробились к нему, и как пожал он нам руки и вроде бы освятил наших, и как бы выдал патент истинных новосибирских демократов. Мне толкотня та напомнила давние очереди за пивом. Только ставки были повыше. Бились ребята недаром. Десятки камер и фотоаппаратов зафиксировали наш триумф. Кадры те, где Алёшка наш рядом с патриархом-диссидентом, очень умело были исполь-

зованы в партийно-демократических разборках, а потом и выборной мясорубке.

Демократические идеалы теми, кто пошустрей, со временем были конверсированы в деньги, во власть, в должности.

– Да что там говорить! Многое можно вспомнить, – вздохнул он и стал ожесточённо грести.

– Ты-то чего казнишься? – попытался я успокоить его. – Поди, не самый виноватый.

Он молчал. Вёсла скрипели в уключинах.

По возвращении на подочную базу мы разгрузились, втащили лодку к месту хранения, попрощались со сторожем. По тихим ночным улицам дошли до гаража Воронина, и в четыре часа утра я уже был дома с ведёрком рыбы и целой уймой странных впечатлений.

Позже, по долгим размышлениям, сами собой пришли вопросы, ответы на которые найти не просто.

Отчего так уродливы метаморфозы российского либерализма? Почему оказались не востребуемыми идеалы, устремления, порывы этих людей, демократов первой волны? Какова причина неудовлетворённости их? Ведь это не маргиналы, не какие-нибудь придавленные внезапной бедностью мелко-травчатые интеллигентшишки. Ведь они ничего не потеряли, а уж финансово стали жить явно лучше. Быт их стал комфортней. Они могут себе позволить отдых за границей. Могут купить приличную машину.

Чего же они казнят себя?

Этого ли хотели они?

Этого ли мы хотели?

Опять свобода обманула?

Август 2008 г.